

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.359

DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-3-356-366

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ СТАТЬЕЙ 226¹ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КАЛАШНИКОВА Елена Сергеевна*

✉ kalashnikova_es@mail.ru

Ул. Трудовая, 44, Благовещенск, 675009, Россия

***Аннотация.** Статья посвящена теоретическому обоснованию необходимости введения уголовно-правовых запретов на криминальные посягательства в сфере незаконного перемещения предметов, указанных в ст. 226¹ УК РФ; исследуются принципы и основания криминализации контрабанды в связи с ее повышенной общественной опасностью. Анализ основных составляющих социальной обусловленности уголовной ответственности позволяет установить обоснованность введения новых или существования уже действующих норм уголовного закона. Рассматривается общественная опасность контрабанды (ст. 226¹ УК РФ) как обязательный признак преступления, раскрывающий его социальную природу, а также социальная обусловленность установления уголовной ответственности по ст. 226¹ УК РФ в зависимости от степени и характера общественной опасности данного вида преступлений. Социальная оценка деяния как преступления основывается на его общественной опасности, юридически констатированной в принятом в установленном порядке нормативном правовом акте (федеральном законе), включенном в Уголовный кодекс Российской Федерации. Обращается внимание на то, что общественная опасность контрабанды заключается в угрозе внешнеэкономической безопасности России. При этом общественная опасность незаконного перемещения через таможенную границу ЕАЭС (таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС) предметов, указанных в ст. 226¹ УК РФ, в первую очередь связана с причинением вреда рыночным экономическим отношениям, развивающимся на пространстве ЕАЭС, образующем единую таможенную территорию, также с причинением материального вреда государству в виде неуплаченных таможенных платежей, гибелью либо повреждением особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов как предметов контрабанды. В условиях глобализации, развития рыночных отношений контрабанда по-прежнему остается наиболее распространенным и наиболее опасным из таможенных преступлений. Существование уголовно-правового запрета на ее совершение остается социально обусловленным, поскольку является сдерживающим фактором, позволяющим государству адекватно реагировать на указанные способы преступного поведения.*

***Ключевые слова:** контрабанда, статья 226¹ УК РФ, общественная опасность, социальная обусловленность.*

* Старший помощник Благовещенского транспортного прокурора Восточно-Сибирской транспортной прокуратуры.

Social Conditionality of Criminal Liability for a Crime Under Art. 226¹ of the Criminal Code of the Russian Federation

Kalashnikova Elena S.**

✉ kalashnikova_es@mail.ru

44 Trudovaya st., Blagoveshchensk, 675009, Russia

Abstract. The article is devoted to theoretical justification for the introduction of criminal prohibitions on criminal assault in the illicit movement of goods, specified in article 226¹ of the Criminal Code of the Russian Federation; the principles and bases of criminalization of smuggling in connection with her increased public danger. The analysis of the main components of social conditionality of criminal responsibility allows us to establish the validity of the introduction of new or existing criminal law norms. The article considers the public danger of smuggling (art. 226¹ of the Criminal Code of the Russian Federation), as an obligatory sign of a crime, revealing its social nature and social conditionality of the criminal liability under article 226¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, depending on the extent and nature of public danger of the given kind of crimes. The social assessment of an act as a crime is based on its social danger, which is legally established in a normative legal act (Federal law) adopted in accordance with the established procedure and included in the criminal code of the Russian Federation. Attention is drawn to the fact that the public danger of smuggling is a threat to the foreign economic security of Russia. At the same time, there is a public danger of illegal movement across the customs border of the EEU (the customs border of the Customs Union within the framework of the EEU) of items specified in art. 226¹ of the Criminal Code of the Russian Federation is primarily concerned with causing harm to market economic relations developing in the EEU area, which forms a single customs territory, as well as causing material damage to the state in the form of unpaid customs payments, death or damage to particularly valuable wild animals and aquatic biological resources as contraband items. Smuggling as a negative social phenomenon includes the organization of activities related to violation of the customs and border regime. In the context of globalization and the development of market relations, smuggling is still the most common and most dangerous of customs crimes. Accordingly, the existence of a criminal law ban on its Commission remains socially conditioned, since it is a deterrent that allows the state to respond adequately to these types of criminal behavior.

Keywords: smuggling, article 226¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, public danger, social stipulation.

Установление уголовной ответственности отображает логически и социально обоснованный процесс криминализации общественно опасных деяний, в ходе которого получают отражение представления о социальной справедливости, являющейся «мерилом» ожиданий общества от существующей системы уголовно-правового принуждения [1, с. 76–79]. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) выступает единственным источником уголовного законодательства, и новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в него (ст. 1). Поскольку нормотворческая деятельность подчинена строгой юридической процедуре, произвольное установление уголовно-правовых запретов становится невозможным. Тем самым их «инструментальная» ценность способствует

установлению строгих масштабов запрещенного поведения и действий.

Определение социальной обусловленности действующих уголовно-правовых норм справедливо признается актуальной научной задачей [3, с. 13–19]. В связи с этим, а особенно с учетом уровня современного правового регулирования ответственности за таможенные правонарушения и преступления, представляет интерес исследование аспектов социальной обусловленности контрабанды предметов, указанных в ч. 1 ст. 226¹ УК РФ.

Контрабанду предметов относят к международным преступлениям. Одной из основных отраслей международного права является международное уголовное право [29, р. 321–330], осуществляющее правоохранительную функцию, которая выражается в выявлении и пресечении

** Senior Assistant of the Blagoveshchensk Transport Prosecutor at the East Siberian Transport Prosecutor's Office.

международных преступлений и правонарушений международного характера [6, с. 128–134].

Охранительная функция права состоит в защите жизненно важных интересов мирового сообщества в целом и каждого государства в отдельности, общества и личности, в поддержании правопорядка путем установления запретов и ограничений на перемещение объектов, угрожающих ценностям, признаваемым мировым сообществом, а также путем определения таможенных преступлений и иных правонарушений [19, с. 106–107].

Исследуя вопросы социальной обусловленности уголовной ответственности, нужно обратить внимание на ряд существенных обстоятельств.

Во-первых, отправной точкой для разработки уголовно-правового запрета выступает появление новых видов человеческого поведения, представляющего собой угрозу для нормального порядка функционирования общественных отношений [13, с. 42–43]. Их еще нельзя именовать общественно опасными, поскольку нормативный запрет их совершения отсутствует, а применение по аналогии уголовно-правовых норм не допускается (ч. 2 ст. 3 УК РФ). Однако при устойчивой распространенности их совершения разрушающее воздействие на общественные отношения усиливается, и это может послужить основой для анализа характера и степени общественной опасности и последующей криминализации деяния.

Во-вторых, имеет значение сопоставительный анализ различных охранительных правовых инструментов, с помощью которого становится ясно, что только уголовно-правовой запрет способен служить адекватной защитой прав и законных интересов личности, общества и государства. При значительной дифференциации юридической ответственности разработка новых уголовно-правовых норм должна быть подчинена строгому учету характера и степени общественной опасности деяний. На при-

мере современного состояния правового регулирования ответственности в сфере таможенного дела можно видеть, в частности, что различные виды контрабанды влекут не только уголовно-правовые последствия (так, товарная контрабанда, за исключением табачных изделий и алкогольной продукции, преследуется в соответствии с административно-правовыми нормами: ст.ст. 16.1, 16.2, 16.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях). Из этого следует, что уголовная ответственность не является единственным способом правового реагирования на совершение контрабанды.

Следует отметить, что сформулированные в уголовно-правовой доктрине тезисы относительно критериев установления уголовной ответственности нашли поддержку в правовых позициях Конституционного Суда РФ. Так, им обосновано, что процессы криминализации и декриминализации должны соответствовать справедливости¹ и что установление уголовной ответственности должно определяться критериями целесообразности, справедливости и социальной обусловленности². Тем самым появление уголовно-правового запрета, не отвечающего параметрам социальной обусловленности, главными из которых выступают характер и степень общественной опасности деяний, неконституционно.

Социальная оценка деяния как преступления основывается на его общественной опасности [21, с. 81–91], юридически констатированной в принятом в установленном порядке нормативном правовом акте (федеральном законе), включенном в Уголовный кодекс Российской Федерации. По мнению некоторых авторов, при этом учитывается способность органов уголовной юстиции адекватно реагировать на то количество общественно опасных деяний, которые совершаются в объективной реальности [27, с. 302]. Как представляется, этот тезис отражает

¹ По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А. К. Айжанова, Ю. Н. Александрова и других : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 20 апр. 2006 г. № 4-П // Рос. газ. 2006. 28 апр.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ломовой Ирины Олеговны на нарушение ее конституционных прав подпунктом 5 пункта 13 постановления Государственной Думы от 24 апреля 2015 года № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 19 нояб. 2015 г. № 2659-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

принцип разумной криминализации, т. е. установление приоритета использования инструментов уголовно-правовой охраны только в тех случаях, когда иные отрасли права не могут защитить нормальный порядок функционирования общественных отношений.

С помощью криминализации не только реализуются меры социального контроля над преступностью [2, с. 7], но также обеспечивается защищенность личности, общества и государства от преступных посягательств, отличающихся не только самодетерминацией [17], но и способностью к значительной вариативности.

Не случайно, например, уже в период действия ст. 226¹ УК РФ перечень предметов, указанных в ее диспозиции, был дополнен такими позициями, как ценные дикие животные и водные биологические ресурсы³. Причиной этого стало увеличение количества выявленных фактов незаконного ввоза (вывоза) пород редких животных и водной фауны. Например, как указывалось в пояснительной записке к законопроекту, дополняющему вышеуказанными позициями ч. 1 ст. 226¹ УК РФ, в 2012 г. в результате контрабанды диких птиц государству был нанесен ущерб на сумму свыше 240 млн руб.⁴

Перечень объектов животного мира, занесенных в Красную книгу РФ, включает 413 видов животных, в том числе 258 видов позвоночных животных, из них – 65 видов млекопитающих (20 % общего количества видов млекопитающих, описанных на территории России)⁵. Столь значительный вариативный ряд, наряду со сверхкрупным ущербом от незаконных действий, отражает обоснованность состоявшегося законодательного решения и его направленность на охрану общественных отношений, связанных с обеспечением надлежащего порядка деятельности по сохранению редких видов животных и биологического разнообразия.

Как известно, до декабря 2011 г. уголовная ответственность за контрабанду предметов, указанных в ст. 226¹ УК РФ, наступала по общим

правилам, регламентирующим последствия незаконного перемещения через таможенную границу товаров различного назначения. В статье 188 УК РФ была выделена квалифицированная часть (ч. 3), в которой предусматривалось наказание за контрабанду оружия, культурных ценностей, сильнодействующих, радиоактивных, взрывчатых и иных опасных веществ, а также наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Однако в связи с предстоящим в 2012 г. вступлением России в ВТО и необходимостью гармонизации национального законодательства в рамках функционирования Евразийского экономического союза товарная контрабанда (незаконное перемещение через таможенную границу товаров, находящихся в свободном гражданском обороте) была декриминализована⁶, а иные – особо опасные – виды данного преступления получили отражение в запретах, более соответствующих их непосредственному объекту. Такой подход соответствовал сложившейся социально-правовой ситуации, связанной с международной экономической интеграцией.

Социальная обусловленность установления уголовной ответственности по ст. 226¹ УК РФ может быть проиллюстрирована и на примере соотношения различных видов контрабанды, выявляемой таможенными органами. В современный период объемы внешнеэкономической деятельности являются значительными, и на этом фоне количество нелегальных операций, связанных с незаконным перемещением через таможенную границу товаров, легальный оборот которых ограничен, имеет тенденцию к увеличению. По данным ФТС России, в 2018 г. по факту совершения таможенных преступлений было возбуждено 1 745 уголовных дел, из которых 532 (30,5 %) – по признакам преступлений, предусмотренных ст. 226¹ УК РФ. Это число более чем в два раза превышает количество уголовных дел, возбужденных по факту совершения контрабанды наркотических средств, более чем в 10 раз – количество выявленных случаев контрабанды

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 2 июля 2013 г. № 150-ФЗ // Рос. газ. 2013. 5 июля.

⁴ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 233026-6. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=233026-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=233026-6)

⁵ Стратегия сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 года : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 17 февр. 2014 г. № 212-р. Доступ из СПС «Гарант».

⁶ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 7 дек. 2011 г. № 420-ФЗ // Рос. газ. 2011. 9 дек.

алкогольной и табачной продукции, более чем в 8 раз – выявленных случаев контрабанды денежных средств⁷. Таким образом, таможенные преступления представляют серьезную угрозу мировому правопорядку [20, с. 777–785]. Из этого можно заключить, что уголовная ответственность по ст. 226¹ УК РФ отвечает критерию социальной обусловленности, наступая в связи с достаточно высокой распространенностью данного вида противоправного поведения. Кроме того, с учетом особенностей правового регулирования оборота предметов, перечисленных в ч. 1 ст. 226¹ УК РФ, необходимо отметить, что именно уголовно-правовые инструменты охраны общественных отношений соответствуют характеру и степени общественной опасности их контрабанды.

Так, перечень предметов, контрабанда которых наказывается по ст. 226¹ УК РФ, обладает сложной структурой, включающей позиции, различные по назначению. Однако оборот большей части из них сам по себе требует установления серьезных ограничений (огнестрельное оружие, стратегически важные товары, ядовитые, отравляющие вещества), поскольку их свободное функционирование представляет угрозу для жизнедеятельности человека либо такие ограничения продиктованы особой ценностью этих предметов (ценные дикие животные, биологические ресурсы, культурные ценности), и их выбытие из-под российской юрисдикции ставит в угрожающее положение развитие общества и государства, сохранение для будущих поколений биологического разнообразия и культурного наследия.

При таких обстоятельствах наступление только уголовной ответственности за контрабанду этих предметов является полностью оправданным. В отличие от видов «экономической» контрабанды (ст.ст. 200¹, 200² УК РФ), в составах которых предусмотрен признак крупного размера, относящийся к их стоимости, в ст. 226¹ УК РФ количество незаконно перемещаемых предметов не имеет значения. Для сравнения, «экономическая» контрабанда может влечь и административную ответственность, если стоимость незаконно перемещаемых предметов не образует признака крупного размера.

О распространенности контрабанды вообще можно судить из приведенных на рисунке дан-

ных, отражающих результаты оперативно-служебной деятельности таможенных органов РФ за 2017–2018 гг. [26, с. 53].

Рис. 1. Сведения о количестве возбужденных уголовных дел по ст.ст. 200¹, 200², 226¹, 229.1 УК РФ

Из приведенных данных видно, что в 2017–2018 гг. наиболее активно факты контрабанды выявлялись Северо-Западным, Сибирским и Дальневосточным таможенным управлением, которые осуществляют оперативно-служебную деятельность в наиболее сложных условиях, поскольку их подразделения реализуют должностные полномочия на территориях обслуживания, характеризующихся высоко активной внешне-экономической деятельностью, а также большим транзитным потоком грузов и человеческих ресурсов. В результате значительный объем работы позволяет активно выявлять факты контрабанды, в том числе контрабанды оружия и других предметов, указанных в ст. 226¹ УК РФ.

Характеризуя социальную обусловленность установления уголовной ответственности за данный вид контрабанды, необходимо отметить следующее.

Контрабанда предметов, перечисленных в ст. 226¹ УК РФ, является структурным компонентом сверхдоходного криминального бизнеса и способом незаконного обогащения лиц, причастных к транснациональной организованной преступной деятельности. Так, нелегальная торговля оружием, по данным Интерпола, приносит доходы, исчисляемые миллиардами долларов [10, с. 101]. По сведениям Всемирного фонда дикой природы, контрабанда редких видов флоры

⁷ Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации за январь–декабрь 2018 года. URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=26951:-9-2018-&catid=55:2011-01-24-16-40-26

и фауны по объему уступает только незаконному трансграничному перемещению наркотиков и оружия и приносит прибыль не менее 1,5 млрд долларов в год [18, с. 4–5]. Совершение контрабанды культурных ценностей чревато их утратой для будущих поколений и наносит ущерб, в том числе и непосредственно музейному делу, нарушая нормальный порядок экспонирования таких произведений. Контрабанда сильнодействующих, радиоактивных, ядовитых веществ, а также ядерных материалов, товаров стратегического назначения и оборудования, используемого для их производства, угрожает не только безопасности общества, но и безопасности государства, поскольку при ее совершении в распоряжении враждебных России стран могут оказаться сведения, составляющие государственную тайну.

Незаконное перемещение оружия и иных опасных предметов может привести к дестабилизации ситуации в различных регионах, способствовать возникновению кровавых вооруженных конфликтов, спровоцировать активизацию террористической деятельности [7, с. 57–62]. Стратегия национальной безопасности одной из угроз признает деятельность организованных групп, в том числе транснациональных, связанную с незаконным оборотом оружия⁸. При этом, как известно, очаги нестабильности присутствуют в непосредственной близости от территориальных границ России. Требуется не только активизация деятельности по выявлению контрабанды оружия, но и бескомпромиссное привлечение ее участников к уголовной ответственности.

Криминализация общественных отношений происходит, как справедливо указывают некоторые авторы, в условиях противоречивого процесса глобализации [12, с. 146–151]. Контрабанда как негативное социальное явление включает организацию деятельности, связанной с нарушением таможенного и пограничного режима. В условиях глобализации, когда правила трансграничного перемещения различных товаров, работ, услуг и ресурсов тяготеют к упрощению, контрабанда особо опасных предметов может мимикрировать и получать новые импульсы к расширению. Существование уголовно-правового запрета на ее совершение остается социально обусловленным, поскольку является сдерживающим фактором, позволяющим государству

адекватно реагировать на указанные способы преступного поведения.

Понятие общественной опасности получило достаточно подробное научное осмысление. Традиционно она признается материальным признаком преступления [9, с. 17]; свойством, отражающим способность преступного деяния причинять реальный или потенциальный вред общественным отношениям [25, с. 10]; характеристикой, отражающей социальную природу преступного поведения [24, с. 9], объективное антисоциальное состояние деяния [16, с. 56], т. е. его антиобщественную направленность. На этих устоявшихся тезисах основаны предложения рассматривать общественную опасность как генератор «состояния незащищенности» общественных отношений в результате совершения преступления, «социальную непереносимость» преступных деяний [23, с. 38–42] или содержание преступной деятельности [5, с. 62–69]. В целом каждое из высказанных суждений не противоречит другим, а также учитывает положения ч. 1 ст. 14 УК РФ, определяющие преступление как общественно опасное противоправное виновно совершенное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания.

Следует поддержать мнение ученых, полагающих, что именно общественная опасность является исключительным свойством, присущим преступлению [14, с. 45]. Признание ее наличия в составе любого правонарушения [15, с. 31] представляется чрезмерным и не отвечающим задачам уголовного законодательства. Аналогично не вполне целесообразным видится характеристика процесса криминализации деяний с помощью категории «вредоносность». Так, степень вредоносности асоциальных поведенческих актов выступает необходимым критерием, благодаря которому законодатель признает то или иное деяние соответствующей разновидностью девиантного поведения – преступлением, административным правонарушением, гражданско-правовым деликтом [11, с. 51]. Но такой подход представляется чрезмерно усложненным и ведущим к затруднениям в разграничении этих разновидностей. Следует разграничить опасность и вредоносность: опасность – критерий криминализации, вредоносность – нет.

Общественная опасность определяется, таким образом, нарушением нормального порядка

⁸ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : утв. указом Президента Рос. Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683 // Рос. газ. 2015. 31 дек.

общественных отношений, ущербом, который в результате совершения преступления им причиняется, а также значимостью этих отношений для личности, общества и государства. Общественная опасность конкретных форм человеческого поведения, запрещенных уголовным законом, отражается в отдельных уголовно-правовых нормах. Тем самым законодатель показывает, какой вред для общества наносится при совершении преступлений, а кроме того, непосредственно в нормах Особенной части УК РФ детализирует структуру общественных отношений, испытывающих негативное воздействие в результате преступного посягательства.

Следует также отметить, что предметное определение общественной опасности включает несколько научных подходов.

Сторонники одного из них полагают, что общественная опасность – это обязательный признак преступления, раскрывающий его социальную природу [28, с. 185–188]. Содержание общественной опасности изменчиво, испытывает воздействие эволюции преступного поведения (например, при возникновении новых преступных проявлений в динамично развивающихся сферах человеческой деятельности), и это влечет модернизацию законодательного описания отдельных видов преступных посягательств.

Сторонники другого подхода также полагают, что общественная опасность не является постоянной величиной [8, с. 242]. Признак общественной опасности эволюционирует, вследствие чего общественно опасными становятся те деяния, которые признаются в этом качестве законодателем в определенный период. В целом это справедливо, однако существует достаточно большое количество уголовно-правовых запретов, целесообразность сохранения которых с древнейших времен сомнений не вызывает (в том числе, ответственность за наиболее опасные виды контрабанды).

И наконец, имеется научная позиция, в соответствии с которой деяние становится общественно опасным не столько по воле законодателя, сколько в связи с нарушением охраняемых законом интересов личности, общества и государства. Действительно, законодатель в таких случаях устраняет объективно существующий пробел, который может быть выявлен в результате правоприменительной, конституционно-контрольной, научной и иной деятельности.

Соответственно, изначально такие деяния являются в условиях объективной реальности, затем – в связи с их устойчивой распространенностью – в поле зрения законодателя. Действуя в целях преодоления имеющегося правового пробела, законодатель легитимизирует представления об общественной опасности конкретного деяния в Уголовном кодексе РФ, устанавливая пределы наказания за его совершение.

Анализ высказанных суждений позволяет заключить, что в правовой доктрине сложилось понимание общественной опасности как доминантного признака преступления, отражающего его антисоциальную направленность и способность нанести неизбежный или высоко вероятный вред общественным отношениям.

В соответствии с правовыми позициями Пленума Верховного Суда РФ основными характеристиками общественной опасности выступают ее характер и степень. Характер общественной опасности определяется ценностью объекта посягательства (его направленностью на охраняемые уголовным законом ценности) и существенностью (устранимостью, возможностью компенсации) причиненного вреда. В свою очередь, степень общественной опасности зависит от интенсивности преступного поведения, характера и размера наступивших последствий, формы вины, роли подсудимого в совершении группового преступления, наличия (отсутствия) обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание⁹.

Проецируя эти подходы на состав контрабанды предметов, указанных в ч. 1 ст. 226¹ УК РФ, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, общественная опасность данного вида контрабанды детерминируется особым правовым режимом оборота, использования или доступа к этим предметам. То есть, их свободное (неподконтрольное) трансграничное перемещение изначально недопустимо, поскольку они или обладают опасными свойствами (оружие, радиоактивные вещества), или требуют особого обращения (культурные ценности), или находятся под особой охраной (стратегически важные товары, объекты животного или растительного мира). При нарушении установленных правил их перемещения через таможенную границу возникает реальная угроза их выбытия из законного владения либо угроза их использования в противоправных целях. Степень реализации этой

⁹ О практике назначения судами уголовного наказания : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 22 дек. 2015 г. № 58 // Рос. газ. 2015. 29 дек.

угрозы зависит и от того, в какой момент пресекается факт контрабанды.

Во-вторых, характер общественной опасности данного вида контрабанды определяется тем, что при ее совершении нарушается нормальный порядок перемещения товаров и иных предметов через таможенную границу, а также состояние защищенности личности, общества и государства от незаконного оборота опасных предметов на его территории. При этом может быть нанесен неустранимый вред (например, при фактическом выбытии культурных ценностей из музейного фонда, при их утрате или повреждении, сопряженном с невозможностью реставрации).

В-третьих, степень общественной опасности контрабанды предметов, перечисленных в ст. 226¹ УК РФ, определяется ее умышленной направленностью и корыстной мотивацией, созданием условий для причинения вреда жизни, здоровью и другим благам, высоко организованным характером преступной деятельности.

Кроме характера и степени общественной опасности, параметром социальной обусловленности криминализации деяний является, несомненно, структура общественных отношений, нормальный порядок которых может быть нарушен в результате преступных действий. На примере ст. 226¹ УК РФ, включенной в главу о преступлениях против общественной безопасности, это представляется бесспорным. Поддержание общественной безопасности на уровне, соответствующем установленной конституционно главной задаче государства – защите прав человека, определяет социальную обусловленность уголовной ответственности за данный вид контрабанды.

Значение структуры общественных отношений, подвергающихся разрушающему воздействию при совершении преступлений, достаточно велико. Исходя из этой структуры, ученые определяют наличие действительной потребности в установлении конкретного уголовно-правового запрета. Обоснованность и своевременность криминализации общественно опасных деяний уже были предметом научных исследований [22, с. 10]. Поддержание состояния защищенности личности, общества и государства от незаконного оборота опасных предметов на его территории возможно только посредством уголовно-правового запрета.

Аргументируя этот тезис, обратим внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, бесконтрольное трансграничное перемещение таких предметов способствует их последующему незаконному обороту на территории государства.

Во-вторых, при широком распространении контрабанды таких предметов создается дополнительная угроза жизни и здоровью людей (например, при внутренней и трансграничной перевозке опасных предметов и веществ).

В-третьих, такие предметы могут использоваться для совершения иных преступлений лицами, ставшими их незаконными владельцами, что ослабляет защищенность социума от насильственных и иных посягательств (например, при увеличении объемов нелегального оборота оружия за счет предметов, незаконно перемещенных на территорию государства из-за границы).

Приведенные аргументы позволяют положительно оценить установление уголовной ответственности за совершение контрабанды предметов, перечисленных в ст. 226¹ УК РФ, в главе о преступлениях против общественной безопасности.

При оценке социальной обусловленности установления уголовной ответственности за контрабанду предметов, перечисленных в ст. 226¹ УК РФ, необходимо обратить внимание и на такое обстоятельство, как связь противоправного поведения с коррупционной деятельностью сотрудников таможенных органов. Она служит дополнительным условием, отражающим необходимость криминализации контрабанды. Обосновывая это суждение, можно привести следующие доводы.

При вовлечении в совершение данного преступления сотрудников таможенных органов реализация преступного умысла облегчается, создается возможность для беспрепятственного перемещения через таможенную границу товаров, свободный оборот которых ограничен или запрещен, защищенное состояние национальной безопасности подвергается разрушающему воздействию. В системе органов ФТС России антикоррупционное противодействие ведется достаточно активно (так, в 2018 г. было возбуждено 251 уголовное дело в отношении сотрудников таможенных органов, избличенных в получении взяток и совершении других преступлений коррупционной направленности¹⁰).

¹⁰ Информационные материалы о результатах работы подразделений по противодействию коррупции таможенных органов Российской Федерации за 2018 год. URL: http://service.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=27144:-----2018-&catid=76:2011-01-25-08-23-45&Itemid=1856

Однако поскольку коррупционное поведение должностных лиц таможенных органов характеризуется высокой латентностью [4, с. 183–191], его взаимосвязь с преступлениями, совершаемыми другими лицами, не всегда очевидна.

Например, приговором суда по ч. 3 ст. 226¹, ч. 3 ст. 291 УК РФ осуждены восемь граждан, объединившихся в организованную группу, занимавшуюся незаконным вывозом из России редких видов птиц (сокол, кречет). Лидеры группы вступили в преступный сговор с сотрудниками правоохранительных органов, контролировавших погрузку транзитного багажа в авиатранспортные средства. Сумма ущерба, причиненного преступными действиями, доказанного при рассмотрении настоящего дела, превысила 50 млн руб. При этом за незаконные действия, совершаемые должностными лицами, виновными выплачивались суммы, не превышающие 20 тыс. руб. по каждому из доказанных эпизодов¹¹. Из этого можно заключить, что «коррупционный взнос» рассматривается лицами, причастными к контрабанде предметов, перечисленных в ст. 226¹ УК РФ, как допустимые издержки, облегчающие безопасное и длительное ведение криминального бизнеса и не являющиеся при этом существенными на фоне потенциально ожидаемой прибыли. Приведенный пример иллюстрирует, что уголовная ответственность по ст. 226¹ УК РФ получает субординационную взаимосвязь с противодействием коррупции, т. е. выполняет и внутрисистемную задачу.

Контрабанда предметов, перечисленных в ст. 226¹ УК РФ, приобретает черты общественной опасности, отличающие ее в этой части от других преступлений, предусмотренных гл. 24 УК РФ.

Таким образом, установление уголовной ответственности за контрабанду предметов, свободный оборот которых ограничен, является социально обусловленным, поскольку данное деяние разрушает нормальный порядок функционирования общественных отношений, регулирующих порядок доступа к этим предметам или их использования, способствует существованию доходного трансграничного криминального бизнеса, способствует совершению коррупционных преступлений сотрудниками таможенных органов.

В заключение необходимо сделать следующие выводы.

1. Социальная обусловленность установления уголовной ответственности за контрабанду предметов, указанных в ст. 226¹ УК РФ, определяется рядом параметров, главными из которых выступают относительная распространенность этой формы противоправного поведения, создание угрозы нормальному порядку оборота указанных предметов, а также достаточно высокая общественная опасность.

2. Характер общественной опасности данного вида контрабанды определяется тем, что при ее совершении нарушается нормальный порядок перемещения товаров и иных предметов через таможенную границу, а также состояние защищенности личности, общества и государства от незаконного оборота опасных предметов на его территории.

3. Степень общественной опасности контрабанды предметов, перечисленных в ст. 226¹ УК РФ, определяется ее умышленной направленностью и корыстной мотивацией, созданием условий для причинения вреда жизни, здоровью и другим благам, высоко организованным характером преступной деятельности.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Общая теория права : учеб. 2-е изд. М. : Проспект, 2008. 565 с.
2. Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 182 с.
3. Атагимова Э. И., Потемкина А. Т., Цопанова И. Г. Социальная обусловленность уголовно-правового запрета и ее реализация в законодательстве // Правовая информатика. 2016. № 3. С. 13–19.
4. Ахметов М. Г. Современные взгляды на противодействие коррупции в таможенных органах Российской Федерации // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2017. № 6. С. 183–191. DOI: 10.21686/2413-2829-2017-6-183-191.
5. Безбородов Д. А. Показатели общественной опасности многосубъектных преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3 (86). С. 62–69.
6. Волеводз А. Г. Международная правоохранительная деятельность и международные правоохранительные организации: определение понятий // Евразийский юридический журнал. 2010. № 11 (30). С. 128–134.
7. Вольф С. П. О проблеме контрабанды оружия в России // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2014. № 2. С. 57–62.

¹¹ *Архив* Химкинского городского суда Московской области за 2017 г. Уголовное дело № 1-258/2017.

8. Гишинский Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 322 с.
9. Епифанова Е. В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность. М. : Юрлитинформ, 2012. 152 с.
10. Задоян А. А., Мацкевич И. М., Чучаев А. И. Проблемы криминологического предупреждения незаконного оборота оружия. М. : Проспект, 2016. 128 с.
11. Иванов Н. Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации : моногр. М. : Проспект, 2017. 80 с.
12. Клейменов М. П., Клейменов И. М. Криминализация государства в контексте глобализации // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2018. № 2. С. 146–151.
13. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений. М. : Городец, 2007. 332 с.
14. Кузнецова Н. Ф. Уголовный закон: опыт теоретического моделирования. М. : Изд-во МГУ, 1989.
15. Куликов Е. А. Общественная опасность деяния как главный признак правонарушения // Юридические исследования. 2016. № 1. С. 18–48. DOI: 10.7256/2409-7136.2016.1.17662.
16. Ляпунов Ю. И. Категория общественной опасности как универсальная категория уголовного права. М. : МЮЗСШ МВД СССР, 1989.
17. Макаров В. В. Криминологическое исследование самодетерминации преступности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 183 с.
18. Надзор за объектами СИТЕС в Восточной Европе. Варшава : ОБСЕ, 2016. 109 с.
19. Овчинников С. Н. О функциях международного таможенного права // Евразийская адвокатура. 2013. № 2 (3). С. 106–107.
20. Овчинников С. Н. Таможенные преступления в международном праве: проблема разграничения // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 4. С. 777–785. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(4).777-785.
21. Прокументов Л. М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Право. 2014. № 4. С. 81–91.
22. Радошнова Н. В. Криминализация (декриминализация) в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. 276 с.
23. Рожнов А. П. Нужна ли российскому праву категория общественной опасности? // Правовая парадигма. 2017. Т. 16, № 3. С. 38–42. DOI: 10.15688/le.jvolsu.2017.3.6.
24. Смирнов А. М. Учение об общественно опасных формах преступного деяния : моногр. М. : Юрлитинформ, 2016. 202 с.
25. Сотсков Ф. Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 176 с.
26. Таможенная служба Российской Федерации в 2018 году. М. : ФТС России, 2019.
27. Уголовное право. Общая часть. Преступление : академ. курс в 10 т. / отв. ред. Н. А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2016. Т. 5 : Понятие преступления. Состав преступления. 595 с.
28. Шеслер А. В. Понятие преступления в российском уголовном законодательстве // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 2 (31). С. 185–188.
29. Sekuloski V. International Criminal Law // European Scientific Journal. 2013. Vol. 9, № 28. P. 321–330.

References

1. Alekseev S. S. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. 2nd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2008. 565 p.
2. Antonov A. D. *Teoreticheskie osnovy kriminalizatsii i dekriminalizatsii*. Dis. kand. jurid. nauk [Theoretical Foundations of Criminalization and Decriminalization. Cand. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2001. 182 p.
3. Atagimova E. I., Potemkina A. T., Tsopanova I. G. Sotsial'naya obuslovlennost' ugolovno-pravovogo zapreta i ee realizatsiya v zakonodatel'stve [Social Conditionedness of the Criminal Law Ban and Its Implementation in the Law]. *Pravovaya informatika – Legal Informatics*, 2016, no. 3, pp. 13–19.
4. Akhmetov M. G. Sovremennye vzglyady na protivodeistvie korruptsii v tamozhennykh organakh Rossiiskoi Federatsii [Today's Views on Counteracting Corruption in Customs Bodies of the Russian Federation]. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova – Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2017, no. 6, pp. 183–191. DOI: 10.21686/2413-2829-2017-6-183-191.
5. Bezborodov D. A. Pokazateli obshchestvennoi opasnosti mnogosub'ektnykh prestuplenii [Indicators of Social Danger of Multi-Subject Crimes]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2018, no. 3 (86), pp. 62–69.
6. Volevodz A. G. Mezhdunarodnaya pravookhranitel'naya deyatelnost' i mezhdunarodnye pravookhranitel'nye organizatsii: opredelenie ponyatii [International Law Enforcement Activity and Institutions of International Law Enforcement: Notions]. *Evrasiiskii juridicheskii zhurnal – Eurasian Law Journal*, 2010, no. 11 (30), pp. 128–134.
7. Wolf S. P. O probleme kontrabandy oruzhiya v Rossii [About the Problem of Smuggling Weapons in Russia]. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologii – Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*, 2014, no. 2, pp. 57–62.
8. Gilinskii Ya. I. *Deviantnost', prestupnost', sotsial'nyi kontrol'* [Deviance, Crime, Social Control]. St. Petersburg, Yurid. tsentr Press Publ., 2004. 322 p.
9. Epifanova E. V. *Obshchestvennaya opasnost' kak nauchnaya kategoriya, zakonodatel'naya definiitsiya: istoriya i sovremennost'* [Social Danger as a Scientific Category, Legislative Definition: History and Modernity]. Moscow, Yurilitinform Publ., 2012. 152 p.

10. Zadoyan A. A., Matskevich I. M., Chuchaev A. I. *Problemy kriminologicheskogo preduprezhdeniya nezakonno go oborota oruzhiya* [Problems of Criminological Prevention of Illegal Arms Trafficking]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 128 p.
11. Ivanov N. G. *Obshchestvennaya opasnost' deyaniya kak ontologicheskaya osnova kriminalizatsii* [Social Danger of an Act as an Ontological Basis of Criminalization]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 80 p.
12. Kleimenov M. P., Kleimenov I. M. *Kriminalizatsiya gosudarstva v kontekste globalizatsii* [Criminalization of the State in the Context of Globalization]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Pravo – Herald of Omsk University. Series: Law*, 2018, no. 2, pp. 146–151.
13. Kuznetsova N. F. *Problemy kvalifikatsii prestuplenii* [Problems of Qualification of Crimes]. Moscow, Gorodets Publ., 2007. 332 p.
14. Kuznetsova N. F. *Ugolovnyi zakon: opyt teoreticheskogo modelirovaniya* [Criminal Law: the Experience of Theoretical Modeling]. Moscow, MSU Publ., 1989.
15. Kulikov E. A. *Obshchestvennaya opasnost' deyaniya kak glavnyi priznak pravonarusheniya* [Social Danger of a Deed as the Main Attribute of a Misdeed]. *Yuridicheskie issledovaniya – Legal Studies*, 2016, no. 1, pp. 18–48. DOI: 10.7256/2409-7136.2016.1.17662.
16. Lyapunov Yu. I. *Kategoriya obshchestvennoi opasnosti kak universal'naya kategoriya ugovnogo prava* [The Category of Public Danger as a Universal Category of Criminal Law]. Moscow, 1989.
17. Makarov V. V. *Kriminologicheskoe issledovanie samodeterminatsii prestupnosti*. Dis. kand. jurid. nauk [Criminological Study of Self-Determination of Crime. Cand. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2014. 183 p.
18. *Nadzor za ob'ektami SITES v Vostochnoi Evrope* [Supervision of CITES Objects in Eastern Europe]. Warsaw, OSCE Publ., 2016. 109 p.
19. Ovchinnikov S. N. *O funktsiyakh mezhdunarodnogo tamozhennogo prava* [About Functions of the International Customs Law]. *Evraziyskaya advokatura – Eurasian Advocacy*, 2013, no. 2 (3), pp. 106–107.
20. Ovchinnikov S. N. *Tamozhennye prestupleniya v mezhdunarodnom prave: problema razgranicheniya* [Customs Crimes in International Law: the Problem of Delimitation]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 4, pp. 777–785. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(4).777-785.
21. Prozumentov L. M. *Osnovanie kriminalizatsii (dekriminalizatsii) deyani* [The Grounds for Criminalization and Decriminalization of Acts]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo – Tomsk State University Journal of Law*, 2014, no. 4, pp. 81–91.
22. Radoshnova N. V. *Kriminalizatsiya (dekriminalizatsiya) v ugovnom prave Rossii*. Dis. kand. jurid. nauk [Criminalization (Decriminalization) in the Criminal Law of Russia. Cand. Legal Sci. Dis.]. Saratov, 2015. 276 p.
23. Rozhnov A. P. *Nuzhna li rossiiskomu pravu kategoriya obshchestvennoi opasnosti?* [Does the Russian Law Need the Category of Public Danger?]. *Pravovaya paradigma – Legal Concept*, 2017, vol. 16, no. 3, pp. 38–42. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2017.3.6.
24. Smirnov A. M. *Uchenie ob obshchestvenno opasnykh formakh prestupnogo deyaniya* [The Teaching About Socially Dangerous Forms of a Criminal Act]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 202 p.
25. Sotskov F. N. *Obshchestvennaya opasnost' deyaniya v ugovnom prave Rossii*. Dis. kand. jurid. nauk [The Public Danger of an Act in the Criminal Law of Russia. Cand. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2009. 176 p.
26. *Tamozhennaya sluzhba Rossiiskoi Federatsii v 2018 godu* [Customs Service of the Russian Federation in 2018]. Moscow, Federal Customs Service of Russia Publ., 2019.
27. Lopashenko N. A. (Ed.). *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Prestuplenie. T. 5 : Ponyatie prestupleniya. Sostav prestupleniya* [Criminal Law. A Common Part. The Crime. Vol. 5: Crime Concept. Corpus Delicti]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 595 p.
28. Shesler A. V. *Ponyatie prestupleniya v rossiiskom ugovnom zakonodatel'stve* [The Concept of a Crime in the Russian Criminal Legislation]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo institute – Bulletin of Vladimir Law Institute*, 2014, no. 2 (31), pp. 185–188.
29. Sekuloski B. *International Criminal Law. European Scientific Journal*, 2013, vol. 9, no. 28, pp. 321–330.

Дата поступления статьи | Article received date

24.12.2019

Дата поступления после рецензирования и доработки | Article after peer review and revision received date

08.05.2020

Дата приема к публикации | Article accepted date

23.06.2020